АЛЕКСАНДР БРЕНЕР

НАКОНЕЦ-ТО КОММУНИЗМ

ОПЫТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ
С СОПРОВОДИТЕЛЬНЫМИ КАРТИНКАМИ

асебия

2022

УДК 087.5
ББК 84-80

asebeia.su

Сборник «Наконец-то коммунизм» Александра Бренера — вальсирующая канонада, чьи орудия плюют в стеклянные здания изящной словесности. Здесь вы не найдете затхлого бормотания художественных множеств, а только множественные оргазмы коммунистических духов. Они сквотируют всю нищету современного мира, превращая её в спиритические салоны и кукольные театры. Но... Кукловод пьян, духи трусливо крестятся по углам... Все перчатки разбросаны, квадраты — размалеваны. Пушкины смущенно переминаются на своих постаментах, немногочисленные зрители открывают рты: «Ау-оу-аыл!». Наконец-то коммунизм!

🄯 copyright is dead

ОГЛАВЛЕНИЕ

8 ТЕЗИСОВ К ОПЫТУ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ 6
ДВОРНЯЖКА В БЕРНЕ 8
НЕЗНАКОМКА 10
СОВЕТ МУДРЕЦОВ 12
ПОЭЗИЯ СОГЛАСНО БЕНЖАМЕНУ ПЕРЕ 14
ЖАК КАМАТТ 16
ИНФАНТИЛЬНОЕ 18
ДВА МЕДВЕДЯ 20
КАК ОТДЕЛАТЬСЯ ОТ ПРЫЩИКОВ 22
НИКАКОГО И НЕТУ 24
АЛЬПАКИ В БЕРНЕ 26
ПРОЕКТ РОССИЯ 28
БРОДСКИЙ & ЛЕТОВ 30
ДЕВУШКА НА ТРАВЕ У РЕКИ 32
ДЕРЕВЬЯ 34
СТИХИ О НЕИЗВЕСТНОМ ДЕЗЕРТИРЕ 36
HOOCHIE COOCHIE MAN 40
КОММУНИЗМ НА ТОМ СВЕТЕ 42
ЗАЯЦ С РУЖЬЁМ В БЕРНЕ 44
ЛИТАНИИ КОТУ БАФОМЕТУ 46
ШЛИМАЗЛ 48
В БЕРНЕ НИЧЕГО НЕ ПРОИСХОДИТ 50
МЁРТВЫЕ 54
О ТОМ, КАК ЛЮДИ СТАЛИ ЦВЕТАМИ 56
ИСТОРИЯ $ 58
ЧЕРНОРАБОЧИЙ 60
TEMPESTAS POETICA 62
ГОЛОВА БАКУНИНА В БЕРНЕ 64
СТАРАЯ ГИТАРА 66
ЗАГОВОР ПРОТИВ КАПИТАЛА 68
ВДВОЁМ 70
МУЗЕЙ РОБЕРТА ВАЛЬЗЕРА В БЕРНЕ 72
СТАРЫЙ КРОТ 74
КРЕМЛЬ ЭТО Я 76
ПЕРФОРМАНС, ЦЕРЕМОНИАЛ И РИТУАЛ 78
ИМЕНА 80
НЕКРОМАНТ 82
ВНУТРИ И СНАРУЖИ 84
КОММУНИСТ НА ЛУНЕ 86
НЕКОТОРЫЕ ПРАВИЛА КОММУНИСТА 88
МЕЖДУ РИФОВ 90
КАК БЫЛО НА СВЕТЕ БЕЗ ДЕНЕГ 92
ПЕРЕД СНОМ 94
РЕКА РЕЧЬ 96
ПОДРАЖАНИЕ ВАЛЬЕХО 98
ЗДЕСЬ 100
НАКОНЕЦ-ТО КОММУНИЗМ 102
ИНСУРГЕНТ 104
ОХАХО 106
ПАЛЕСТИНЕЦ В ЕВРОПЕ 108
ПОСЛЕДНЕЕ 110
ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ 112

8 ТЕЗИСОВ К ОПЫТУ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ

1. Коммунистическая поэзия не связана ни с какой коммунистической партией или организацией, присвоившей себе имя «коммунистическая».

Коммунистическая поэзия — эрратическая!

2. Коммунистическая поэзия не ждёт прихода мировой коммунистической общественно-экономической формации, которая, скорее всего, не наступит никогда.

Зачем ждать, когда прижимает нужда!

3. Коммунистическая поэзия является немедленным осуществлением коммунизма в этом вот стихотворении — здесь и сейчас.

Кузнечиком в глаз!

4. Коммунистическая поэзия понимает коммунизм как летучую коммуну свободных существ в сговоре с предками и природой.

И с любой непогодой!

5. Коммунистическая поэзия не исходит из какой-либо существующей теории, но является естественным выражением жизненной функции бунта и непокорности, присущей безначальному существу в его опыте и воображении.

И на хер все унижения!

6. Любому из нас, если он или она не превратились ещё в ходячую монетку, достанет силы и зоркости, чтобы различить контуры того кошмара, который именуется сегодня жизнью — и сказать этому мороку: отцепись!

А ты, землетрясение, заступись!

7. Коммунистическая поэзия не является делом профессиональных литераторов, включённых в нормализующий капиталистический аппарат культурного производства и дистрибуции, но творится тварями, помнящими о блаженной и опасной неуправляемости.

И не приспособленными к приспособляемости!

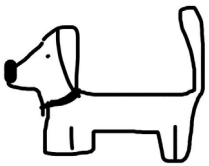
8. Необходимость быть так же элементарна, как и терзание от нехватки бытия. Коммунистическая поэзия говорит об этой элементарности элементарным рифмованным языком.

Или даже молчком!

ДВОРНЯЖКА В БЕРНЕ

Передо мной иногда возникают видения-воспоминания.
А с тобой, друг, такое случается?
Что-то давно увиденное выскочит вдруг перед
внутренним оком: ба-бах!
И кажется: вот она — истина!
А почему так кажется?
Даже и не понять.
Но всё равно кажется.
И вот опять.
Сегодня я сидел на скамейке у реки Ааре.
И стал свидетелем появления весьма необычной твари.
Я её встретил много лет назад в Москве,
в Текстильщиках.
Год был примерно 1993-й.
Москва походила на морскую посудину,
взятую на абордаж.
И взял её не какой-то там дикий пират-капитан,
А настоящая нечистая сила: дикий первоначальный
капитал.
И Москва ополоумела.
Но та дворняжка в Текстильщиках не поддалась
капиталу ни на грош.
Серо-рыжая.
    Хвостатая.
        Бродячая.
Она просто стояла и смотрела на ополоумевший мир.
И не боялась его, хотя он мог прикончить её запросто.
Или мне это только кажется?

Да нет, не кажется, ведь запомнил же я её на всю жизнь.
Значит, она и правда была бесстрашная.
        Неподвластная.
    Неуправляемая.
Божественная.
Я на неё тогда вылупился, как птенец.
И вот снова: у реки Ааре, сейчас.
Я смотрел на неё, а подойти не смел.
Ибо она была недоступная.
Как настоящая истина.



НЕЗНАКОМКА

Её звали не Тамара,
Не Сара,
Не Клара,
Не Варвара,
У неё не было бермудского самовара
И она не ходила вдоль Тверского бульвара
В кашемировых шароварах
В качестве полового товара,
Во рту у неё не играла гитара,
А меж бёдер не гремели фанфары,
Она не покупала фабержевские портсигары
У эрмитажного антиквара
И не хранила ампирные автокары
В колхозном амбаре,
Не имела потёмкинского загара,
Потому что никогда не была в Катаре,
И не получала за свои опусы-фокусы-покусы гонорары,
Но и не торговала сухофруктами на базаре.
Она не жила ни в хрустальном ангаре,
Ни в хунвейбинской хибаре,
Не кучковалась в партийной кошаре
И её не ебал ни Сталин, ни Че Гевара.
Она не таскала рыдающего сенбернара
к доберману-ветеринару,
Не заказывала в ресторане осмоловского омара
И не участвовала в лимоновско-пелевинском
литсеминаре,
Но и не валялась в распахнутом пеньюаре

В олигарховом будуаре,
То есть не была чьей-то пиздо-парой,
Не жила в гегемониальном кошмаре,
Не фигурировала в планетарном пиаре,
Да и вообще ни в чём не искала навара,
Привара,
Шквара,
Агар-агара,
Комиссарского нектара,
И даже не рвалась в председатели земного
шара.

Она была анархисткой.
Она была коммунисткой.

СОВЕТ МУДРЕЦОВ

Энди Уорхол сказал:
— Дети сейчас, клянусь мослом, — капитал.

Константин Аксаков сказал:
— Кошки сейчас, клянусь чехлом, — капитал.

Уильям Шекспир сказал:
— Крысы сейчас, клянусь ослом, — капитал.

Джованни Боккаччо сказал:
— Тучи сейчас, клянусь скреблом, — капитал.

Зенон Элейский сказал:
— Пепел сейчас, клянусь рублём, — капитал.

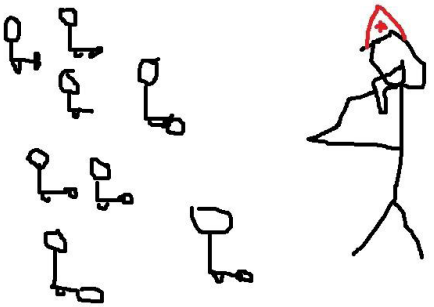
Николай Кузанский сказал:
— Милость сейчас, клянусь нулём, — капитал.

Джордано Бруно сказал:
— Глупость сейчас, клянусь веслом, — капитал.

Эразм Роттердамский сказал:
— Будда сейчас, клянусь углём, — капитал.

Ходжа Насреддин сказал:
— Любовь сейчас, клянусь сверлом, — капитал.

И сказал Иоанн Евангелист:
— Самоубийца сейчас, клянусь углом, — единственный коммунист.



ПОЭЗИЯ СОГЛАСНО БЕНЖАМЕНУ ПЕРЕ

Поэзия это вроде как буйство,
Вроде как истовое богохульство,
Вроде как вопль в мурло чистоплюйства,
Вроде как шёпот в рожу ушкуйства,
Вроде как выдох исходного чуйства,
Вроде как зелье против холуйства,
Вроде как трели пиздоохуйства,
Вроде как слово в горячке разгульства,
Вроде как олово в акте расплюйства,
Вроде как сброшенное глаголосбруйство,
Вроде как стройное струнорассструйство.

Поэзия — это языкоразуйство.

ЖАК КАМАТТ

Теория пролетариата
У Жака Каматта
Сводится к тому, что нет больше пролетариата.

Произошла антропоморфизация капитала,
То есть человеческое существо капиталом стало,
Чего в истории ещё не бывало.

Люди видят друг в друге уже не особь
Или каких-то доблестей россыпь,
А шкурную цель или кассовый способ.

Перманентность всех революций
Привела к тому, что род людской стал
одомашненно-куцым:
Он мясник, он и мясо своих экзекуций.

Поэтому, говорит Каматт,
Необходим иной на освобождение взгляд:
Необходим к природе возврат.

Это и Маркс ведь уже осознал.
Он природу и коммунизм напрямую связал.
«Коммунизм есть оприродование человека»,
— так он сказал.

Но как это может произойти?
Какие к этому есть лазейки-пути
Из нынешней дигитально-банковско-полицейской сети?

Каматт своим открытием поделиться рад:
Он говорит, что надо родиться назад —
Туда, где был дикий и диковинный лесосад.

То есть нужно совершить полный разрыв...
Понимаете: не всхлип и не взрыв,
А к *чакачокочумбе* прорыв!

Понимаете... Как бы это сказать?..
Хватит уже ненавидеть и укрощать!
Хватит детишек стращать и чудить запрещать!

Каматт ясно нам говорит:
Нужно слететь со сраных господско-рабских орбит.
Нужно учиться у новорождённых не иметь
государственный стыд.

Нужно дать мелюзге спать, есть, ползать, хватать,
Трогать, играть, глядеть, орать, брать, не иметь, давать...
Понимаете, что я хочу сказать?..

Хватит брать пример у смерти, сыщиков и солдат!
Бросьте на хуй ваш гос-фин-жил-ёб-мед-аппарат!
И слушайте, что вам говорит Жак – Жак Каматт!

ИНФАНТИЛЬНОЕ

Я не принадлежу ни к какой нации
И ни к какой организации.
Мне не нужны ваши гратификации
И я не поддамся вашей мобилизации.

Я ненавижу все ваши медитации
На полу вашей мировой корпорации.
И меня не трогают ваши ламентации
После вашей же очередной копуляции.

Можете продолжать свои демонстрации,
Ведущие к очередной кооптации,
И подсчитывать свои ассигнации
После внеочередной девальвации.

Ну и используйте для аффектации
Все театральные декламации
И галерейные инсталляции,
Чтоб уберечься от деградации.

А после негаданной дефекации,
В случае слома канализации
И нежелательной ажитации,
Прибегайте к психической консультации.

А мне не нужны ваши махинации,
Вакцинации, детонации, ампутации.
Я не принадлежу ни к какой нации
И ни к какой организации.

ДВА МЕДВЕДЯ

Есть стихи, которые прилагаются к ярмарке,
И есть стихи, к которым прилагается ярмарка.
Разница между ними такая же стратосферная,
Неимоверная, заатмосферная и пещерная,
Как между медведем, водимым на цепи по ярмарке,
И медведем, оборвавшим цепь и крушащим ярмарку.

КАК ОТДЕЛАТЬСЯ ОТ ПРЫЩИКОВ

Чтоб отделаться от отроческих прыщиков,
Нужно стать айсбергом, потопившим Титаник,
Со всем его сонмом культурных сыщиков,
Затаившихся в океанском тумане.

Понимаете, шалопуты?

А ещё смехачом можно сделаться,
То есть встать на краю сего мира
И в вселенскую бездну обделаться,
Аффирмируя жизнь без сортира.

Понимаете, баламуты?

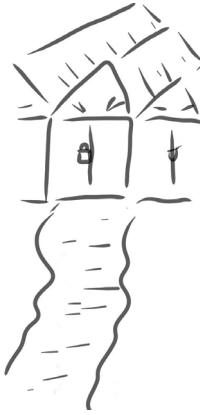
Или стать тонюсеньким прутиком,
Которого шевелит летний ветер,
И целоваться с ядовитым лютиком,
Чтоб недолго ютиться на свете.

Понимаете, марабуты?

НИКАКОГО И НЕТУ

Содом и Голиаф —
И никакого Давида в помине.

Гоморра и Каморра —
И нету нигде Пазолини.



АЛЬПАКИ В БЕРНЕ

Вчера в двух шагах от нашего барака
Я видел, как мочилась альпака.
Дело в том, что у нас по соседству живут три альпаки:
Чёрная, рыжая и белая.
И я видел, как чёрная стояла в траве и мочилась.
Она делала это очень грациозно,
Чуть раздвинув задние ноги
И приподняв хвост.
Струя мочи ударяла в траву, не забрызгав альпаку.
Это зрелище сильно поразило меня.
Я никогда не видел, как мочатся альпаки.

Эти три альпаки живут в домике серой окраски.
Дом покрыт чешуйчатой дранкой, как в сказке.
Вчера я заглянул к ним в окошко.
Черная и рыжая сидели на диване в гостиной,
А белая — в кресле.
Они пили, кажется, кофе.
Из пластиковых чашек.
А людей рядом не было вовсе.
Меня это зрелище сильно поразило.

Сегодня я снова заглянул в их окошко,
Как бродячая кошка.
Удивительно!
Оказывается, эти альпаки
Живут совершенно самостоятельной жизнью.
Чёрная и белая стояли посреди комнаты

И страстно целовались.
А рыжая — фотографировала их телефоном.
Я был поражён и застыл на месте.

Просто не знаю, что об этом думать,
Но никак не могу такие вопросы с ушей сдунуть:
Может, это дрессированные альпаки?
Или заколдованные люди?
Или альпаки, превращённые в людей?
Или...
Или...

Но если это так, то кто превратил их?
Или, лучше сказать, кто совратил их?
Кто поселил в сером домишке?
Кто научил пить кофе из чашек,
Фотографироваться и целоваться?

А может, это мёртвые альпаки?
Или живые чучела альпак?

ПРОЕКТ РОССИЯ

Было много проектов Россия:
Расея,
Роисся,
Росссрия...

Был прожект Русь Трьеть старца Филофея Псковского.
Был проэкт Россуя Чьеть царя Иоанна Грозного.
Был прочект Росия Еть императора Петра Великого.
Был протект Россия Светь Михайлы Ломоносова.
Был прозект Рассей-ка Брэдь государя Павла Первого.
Был проспект Рассия Петь Александра Пушкина.
Был прогект Россиюшка Съеть министра Уварова.
Был прокект Оросcия Ледь Константина Леонтьева.
Был проверт Россия Воесть Фёдора Достоевского.
Был проссект Росуя Клеть Константина Победоносцева.
Был проегт Русь-матушка Вверть-Ядреть Михаила Бакунина.
Был профект РСФСР Не-бздеть Владимира Ленина.
Был зинзивер Русь Мреть Велимира Хлебникова.
Был процект СССР Шмерть Иосифа Сталина.
Был проэгт Страна Въедь академика Сахарова.
Был пройект Росия Бледь Гайдара со товарищи.
Был броект Россия Мъять Александра Дугина.
Был роект Эрэфия Ээть Владимира Путина.

А так, чтобы люди просто жили на земле —
Этого не было.

Кого пороли,
Кого мололи,
Кого кололи,
Кого пололи,
Кого сверлили,
Кого смолили,
Кого валили,
Кого барахлили,
Кого чехлили,
Кого калили,
Кого пилили,
Кого купили...

Поэтому году в 1994-м Валерий Подорога сказал на семинаре в ЦСИ:
— России не существует.
А году в 1988-м Мераб Мамардашвили сказал на докладе в Ленинграде:
— Здесь привыкли есть селёдку с газеты — вместе с газетой.

БРОДСКИЙ & ЛЕТОВ

Поэт — это то, что всегда презираемо.
А если оно станет вдруг обожаемо,
Тогда ему плюнуть бы надо в пизду
И выебать в жопу, как порнозвезду.

Любовь и поэзия — сёстры лесбийские,
А не братаны-блатари евразийские.
Экстазы их дики и смертны, как грех,
И льются оргазмы из разных прорех.

Но если поэт вдруг посмертно прославится,
Тогда он в яйцо Фаберже превращается.
И нету ни хуя при нём, ни пизды,
И жопа его без ебальной бразды.

ДЕВУШКА НА ТРАВЕ У РЕКИ

Вон лежит на траве некое первозданное естество.
Какое-то голое, обнажённое, хоть и в трусиках
существо.
Просто так лежит под солнцем у речки она.
У неё есть ноги, руки, голова, бёдра, колени,
пупок и спина.

А планов на завтра или на следующий месяц
у неё вроде нет.
И расчётов на то, что она будет есть на обед.
Ну и денег в сберкассе на её счету тоже нет ни шиша.
Я даже не знаю есть ли сейчас у неё под солнцем душа.

Она на этой блаженной траве не раб, не рабочий,
не буржуа,
Не чья-то там дочь, не чья-то сноха — у ней нет амплуа.
Она просто живое такое вот вещество —
Какое-то голое, хоть и в лифчике, потаённое естество.

Она не стареет сейчас, не взрослеет, не хочет бежать,
Ни о чём не жалеет, не просит и не желает летать.
Она просто покоится тут на траве у реки
И чуть-чуть шевелит указательным пальцем, кажется,
левой руки.

О, пожалуйста, девушка, оставайся вот так навсегда.
И не будь балериной, артисткой, кассиршей
уже никогда.

Ни барменшей, ни программисткой, ни чьей-то женой.
Будь лишь этими вот волосами, коленями, бёдрами,
рёбрами, ну и спиной.

И пусть палец твой указательный не указывает никуда:
Ни в какую мистификацию, ни в какие туда да сюда.
Ты лежишь тут не как чья-то собственность,
не как труд и не как капитал.
Ты лежишь тут без цели, без повода —
чтобы Сад вокруг расцветал.

ДЕРЕВЬЯ

Деревья — это коммунисты.
Куда вы лезете, туристы?
Застопоритесь, урбанисты!
Ни шагу дальше, финансисты!
Сушите вёсла, гуманисты!
Окаменейте, нигилисты!
Да как вы смеете, фашисты!
Оцепенейте, прогрессисты!
Затормозите, мотористы!
Остановитесь, двуногисты!
Деревья — это коммунисты!

СТИХИ О НЕИЗВЕСТНОМ ДЕЗЕРТИРЕ

В Нижневартовске в здание военкомата
Два коктейля Молотова бросили ребята.
Такие же инциденты произошли в Омске,
Ярославле, Череповце и Томске.
Поджоги военных комиссариатов —
Это не дело нобелевских лауреатов.
Это не дело полковых командиров.
Это дело неизвестных дезертиров.

Есть леса, есть на небе чащобы,
Есть пропахшие лавой трущобы.
Дезертиры не там и не тут.
Их сивиллы в земле стерегут:
«Выходите из пепла, ребята,
И пусть пламя взовьётся столбчато,
И пусть дым долетит до небес,
Чтоб проснулся божественный Бес.

И пусть воздух ваш станет свидетелем —
Стёртый воздух земных совладетелей —
Что в сугробах рождаются дерзкие,
А в больницах — рабы президентские,
Что в земле пробуждаются смелые,
А в пелёнках — холопы дебелые.
Дезертиры, дерзайте в могилах —
Человеческих чёрных чернилах».

На светилах совсем безымянных,
Средь просторов совсем окаянных
Занимается Вечная Ночь.
Но лепечет Создателя дочь:
«Святляки, светляки дорогие,
Дезертиры мои чухломские,
Засветите скорее фонарь,
Чтобы стало мне дивно, как встарь».

Почему-то собаки всё брешут —
Видно, нежить им волосы чешет.
Почему-то играют оркестры —
Видно, вносят убитых в реестры.
Почему-то нечистая сила
Села задом на крест у могилы.
Только ворон бубнит на суку:
«Вас готовят опять к марш-броску!»

И горят нефтяные болота
Во владеньях вождя-живоглота.
Из-за гари не видно огня —
Почернела снегов простыня.
Коченеют на облаке ласточки —
Застолбили на небе участочек.
И встает горемычная рать —
Саранчою зерно пожирать.

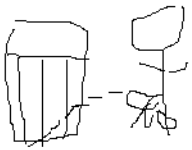
Но сивиллы не унимаются —
Их пупки от дыханья вздымаются.
Тишина над рекою времён
Не похожа на мраморный сон:
«Дезертиры, вы слышите эхо?
Будет, будет ночная потеха!

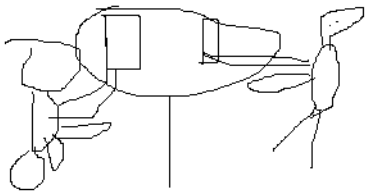
Отзовутся вам Девы в морях,
Если соль закипит на углях!»

Весть созвездий летит без усилья
Не на птичьих — на огненных крыльях:
Через ямы и горы воздушные,
Сквозь тела и века равнодушные...
И уже тёмной ночью во Брянске
Двое вспрянули по-партизански
С зажигательной смесью в бутыли
У барака, где в армию брили.

Первый был малолетний послушник —
Сатанинских советов ослушник.
А второй, словно Греттир, бесстрашный —
В нерушимой кронштадтской тельняшке —
Ободрился затяжкой табачной
И промолвил сквозь мат шестизначный:
«Я тебя, президент, запрещу...
Я отчизну сейчас защищу...»

И смеялись в ущельях сивиллы,
А кометы кружились и выли,
И в волнах галактической пыли
На китах Страстотерпицы плыли.
А в могилах похеренной жизни —
Чаша чаш и отчизна отчизне —
Запылало из всех из углов:
Стало свету легко и светло.





HOOCHIE COOCHIE MAN

Я живу, как нездешняя фауна:
Я живу без себя — без хозяина!

I'm Your Hoochie Coochie Man!

Не ищу я на свете довольствия!
И на ваши насрал удовольствия!

I'm Your Hoochie Coochie Man!

Я не в Африке и не в Америке!
И не бьюсь я, не бьюсь я в истерике!

I'm Your Hoochie Coochie Man!

Не травмирован я, не травмирован!
И никем я не запрограммирован!

I'm Your Hoochie Coochie Man!

Никому не виляю я хвостиком!
И не верю, не верю прогностикам!

I'm Your Hoochie Coochie Man!

У меня нет ни тела, ни разума!
Не фасоню красивыми фразами!

I'm Your Hoochie Coochie Man!

Не учился я в детстве по-школьному!
И не лягу я в гроб по-покойному!

I'm Your Hoochie Coochie Man!

Я живу, как нездешняя фауна:
Я живу без себя — без хозяина!

I'm Your Hoochie Coochie Man!

КОММУНИЗМ НА ТОМ СВЕТЕ

Посреди снегов Аляски
В африканской чёрной маске
Вильям Блейк в посмертной пляске
Обнял кашалота.

А Антон в Сахаре Чехов,
Обрастая щучьим мехом,
Пьёт шампанское со смехом
В обществе койота.

Лев Толстой бредёт по кочкам
Босиком и без сорочки
И твердит лесным цветочкам:
— Львиный зев, братишка!

Франсуа Вийон верёвку
Затянул на шее ловко
И хрипит, как шалашовка:
— Я поймал воришку!

Пётр Кропоткин, бывший князем,
От людских отрёкся связей,
Стал подобен божьей грязи
И вкушает сладость.

А Симона Вайль — без тела —
Неведимкою запела:
— Я всю жизнь свою не ела —
И проголодалась!

— Больше света! Меньше света! —
Гёте, догола раздетый,
Но бургундским разогретый,
Шепчет, сидя в Этне.

Ну а Гоголь не гутарит,
А в объятьях льва кемарит
И, как льдинка, тает, тает —
Вот уже и нету!

Карл Маркс с вершин Урала
Смотрит в сторону Непала:
Нет в помине капитала —
Коммунизм повсюду!

И подсолнухи Ван Гога
В раме не висят убого,
А стоят в чертогах Бога —
Равносильны чуду!

ЗАЯЦ С РУЖЬЁМ В БЕРНЕ

Сегодня в Старом городе Берна
В витрине антиквара
Я видел пыльную тарелку
С изображением вооружённого зайца.

Он стоял на полянке с охотничьим ружьём в лапке
И победно улыбался!

Я не мог оторвать глаз от этой картинки...
И вдруг вспомнил,
Что уже видел такого зайца
На одной средневековой миниатюре.

Это была репродукция в книге:
Маленький потешный зайчишка,
Но вооружённый стрелами и луком.
Он целился в охотника с рыжей бородищей,
А тот пятился от него в испуге,
Но стрела зайца уже его настигла!

О, боже! Больше всего на свете
Я хотел бы вооружить всех зайцев на свете!

Чтоб они вышли из лесов, степей и рощиц —
Существа без проклятого человеческого эго —
Чтоб они выпрыгнули из своих тайных укрытий
С пистолетами, ружьями и ножами —
И напали на подлых человечков!

Чтобы они стреляли в своих вечных тиранов
Без всякого снисхождения и пощады!
Чтобы резали их тесаками!
Чтоб кололи пиками и палашами!
Чтобы побивали их булавами!

Чтоб они прикончили миллион людишек,
Нет — сто миллионов,
И ещё двести миллионов впридачу,
А потом ещё миллончик!

Тогда человеческое население планеты
Сильно сократится
(Это ведь совершенно необходимо)
И все звери вздохнут свободно.
Бабочек будет больше, чем мужчин и женщин.
Двуногий ублюдок
Отшатнётся от своего злодейства,
Снова склонится
К розе или ромашке
И прошепчет:
— *Поговори со мной. Я хочу услышать твой голос!*

ЛИТАНИИ КОТУ БАФОМЕТУ

Президент произносит речь.
Откуси ему голову с плеч!

Бафомет, Бафомет дорогой.

Банкир заходит в свой банк.
Долбани его, как бумеранг!

Бафомет, дорогой Бафомет.

Генерал проверяет ружьё.
Сковырни с него кожсырьё!

Дорогой Бафомет, Бафомет.

Журналист приготовил статью.
Разорви эту галиматью!

Бафомет, Бафомет дорогой.

Тюремщик зэка ведёт.
Залезь ему в задний проход!

Бафомет, дорогой Бафомет.

Учитель учит детей.
Застрянь меж его челюстей!

Дорогой Бафомет, Бафомет.

Психиатр с пациентом сидит.
Пусть мочой он твоей засмердит!

Бафомет, Бафомет дорогой.

Бизнесмен считает доход.
Бетонируй его пищевод!

Бафомет, дорогой Бафомет.

Судья огласил приговор.
Нагадь-ка ему на пробор!

Дорогой Бафомет, Бафомет.

Полицейский на страже стоит.
Вынь глаза у него из орбит!

Бафомет, Бафомет дорогой.

Компьютерщик лезет в мозги.
Ты кусни его в пах и беги!

Бафомет, дорогой Бафомет.

Стихоплёт кропает стишок.
Расцарапай его до кишок!

Бафомет, Бафомет дорогой.
Дорогой, дорогой Бафомет.
Бафомет, дорогой, дорогой.

ШЛИМАЗЛ

Коммунизм наступил у зелёных жуков.
А я покупаю седых пауков.

Коммунизм наступил и у горных орлов.
А я продаю возмущенье коров.

Коммунисты живут в высокой траве.
А я рою ямы в своей голове.

Коммунисты парят в голубой синеве.
А я приседаю верхом на черве.

В БЕРНЕ НИЧЕГО НЕ ПРОИСХОДИТ

Люди в Берне говорят,
Что у них тут ничего не происходит:
Ни войн,
Ни голода,
Ни землетрясений,
Ни бунтов.

И это очень даже неплохо.

Однако на соседней с нами улице
Рядом с продуктовым магазином
Стоит под навесом
Старый, но работающий холодильник,
И каждый день
Перед закрытием
Продавцы кладут в этот морозильный ящик
Просроченные продукты
Для бесплатного потребленья.

Вчера мы взяли из холодильника
Буханку хлеба,
Кусок сыра,
Две луковицы
И йогурт.
А позавчера — голову капусты.

Жаль, что мороженное не просрочивается.

Также там лежала ветчина
В пластиковой упаковке
И сосиски,
Но мы не едим мяса.

Я никак не могу взять в толк,
Что означает этот холодильник:

То ли он свидетельствует об изощрённости
Швейцарского капитализма,
То ли он узенькая лазейка
В коммунизм.

Всё же я склоняюсь к первому объяснению.

В конечном итоге
Этот холодильник
Является абсолютным выражением
Современного капитализма
С его тотальным технологическим протезированием
И инструментальным метафизическим
аннулированием.

Именно этот холодильник
Порождает иллюзию
Будто в Берне ничего не происходит
И даже за продукты
Платить не надо.

Следствием этой аберрации,

А, точнее, мистификации,
Является прирученность жителей Берна,
Их благодушие,
Самодовольство
И одомашненность,
То есть
Карнальная и ментальная подчинённость Капиталу.

В этом треклятом холодильнике
Гибнет не только древнее ведовство,
Чудеса,
Магия
И чарование,
Но и страсть к подлинному освобождению
И тайному сообщничеству с природой,
О котором говорил Маркс.

А что остаётся?

Ничтожный праздник
Бесплатного лакомства
Чуть увядшей капустой
И вполне себе свежим йогуртом.

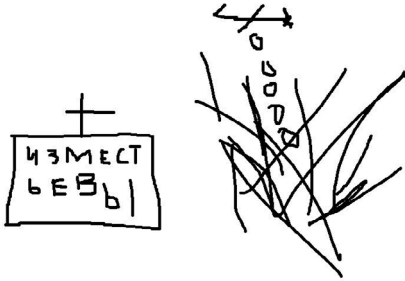
МЁРТВЫЕ

На мою голову упала бомба.
На твою голову упала бомба.
Это была авиабомба?
Или это была секс-бомба?

Инфобомба, а потом пиар-бомба!
Нанобомба и фугасная бомба!
А теперь какая там бомба?
А теперь дымовая бомба!

Падают, падают, падают бомбы.
Буду бля, ёбаные гекатомбы!
Всю разъебали нашу скудель!
Что за ебучая канитель!

Хватит хуярить нас бомбами, люди!
Хватит хватать нас за души и муди!
Дайте в могиле нам полежать!
Мы не хотим к вам принадлежать!



О ТОМ, КАК ЛЮДИ СТАЛИ ЦВЕТАМИ

Вон стоит бронированная машина
На толстых-претолстых резиновых шинах.

Она больше, чем доисторический слон,
Больше, чем Рим и сам Вавилон.

Сия машина принадлежит мировой полиции
И оберегает капиталистические инвестиции.

В кабине машины сидит человек —
Тотального гнёта всемирный стратег.

Машина урчит и машина гудит,
Ебучей соляркой машина смердит.

Из крыши машины торчит длинный ствол —
Он фаллос Колосса длиной превзошёл.

Из ствола мощным гейзером хлещет вода —
То туда, то сюда, то сюда, то туда.

Вода поливает человеческую орду,
Прущую на машину в заторможенном бреду.

Так, сокрушая смятенный народ,
Жандармский работает водомёт.

И толпа — в исступлении жестов и лиц —
Низвергается вниз, повергается ниц.

И под мощным напором прицельной воды
Образует ряды, образует гряды.

Это вовсе уже не людьё, не народ,
А какой-то чудовищный огород.

Это вовсе уже не народ-баловник,
А какой-то обильно политый цветник.

И, покорны упорству ментовской воды,
Поднимаются вверх человеко-цветы.

Человеко-цветы, человеко-скопцы,
Человеко-уздцы, человеко-живцы.

Они будут послушны всем тошным властям.
Они будут чужды всем свободным страстям.

Они будут расти на земле подлецов,
Под контролем спецов, хапунцов и купцов.

Они будут расти, они будут цвести...
Ну а кто же их сможет, сорвавши, спасти?

ИСТОРИЯ $

Однажды под чуждыми небесами
Вошёл я в музей Стеделийк в Амстердаме
И, пробежав мимо сонма картин,
Остался с Малевичем — один на один.
В том зале, на миг от толпы опустелом,
Висел на стене «Белый Крест на Белом».
И я — разрушитель, вандал, хулиган —
Залез пятернёю в глубокий карман,
И, вынув баллончик с зелёною краской,
Похерил все страхи, боязни, опаски.

О, боги! В приливе бунтующих сил
Картину Малевича я осквернил
И Доллар к кресту пригвоздил на холсте,
Чтоб Доллар повис — как Христос на кресте.
Я очень наивно проверить хотел:
Неужто же Доллар Землёй завладел?
Мне чудилось: «Хоть он и внешне убог,
Но Доллар сегодня — единственный Бог!»
В скитаньях своих вдалеке от отчизны
Я тщетно искал следы коммунизма.

Но нет, мне не мнилось: давно уже Бог
Суть Доллар, который обожиться смог
Не только стараньями хищных деляг,
Но также усильями пошлых гуляк,
Художников жадных, гламурных девиц
И авторов гнусных передовиц.

А я, пригвоздивший тот Доллар к кресту,
Не смог этим актом избыть срамоту.
Но смог — средь разбоя, разрухи и тризн —
На миг воскресить на Земле коммунизм.

ЧЕРНОРАБОЧИЙ

Я чернорабочий русского стиха —
У меня на яйцах ишачие меха.

Я чернорабочий, но без буржуа —
Я чернорабочий беглый папуас.

Я чернорабочий, но не строю дом —
Я пренебрегаю строительным трудом.

Я люблю каменья, но не для хором —
Пусть всё продувается с четырёх сторон.

Пусть гуляет ветер, пусть лупцует дождь —
Я иду по слякоти голый, без галош.

Я иду наощупь, я иду впотьмах —
Я ищу чего-то отпетого в стихах.

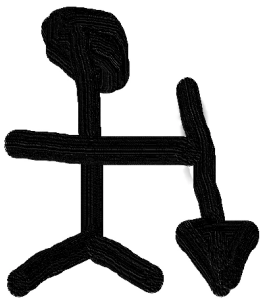
Я ищу чего-то, что исчезло встарь —
Я кустарь, но перво-наперво: бунтарь.

Я ищу каменья, чтобы их пулять —
Не чтоб собирать их, а чтоб растерять.

Я ищу каменья дикие на вид —
Я ищу какой-то смертный алфавит.

Я ищу каменья, а не кирпичи —
Я ищу краюхи, а не калачи.

Я чернорабочий русского стиха:
Я не плод павлина — я чадо петуха.



TEMPESTAS POETICA

«Поэтический шторм», — так сказал Ювенал.
Шторм, который все крыши на свете сорвал.
Шторм, который все стройки вокруг разметал:
Кинозал и спортзал, и аэровокзал.

Ау-оу-аал!

Чтобы видели мы, как наш угол уныл,
Шторм все двери и окна на свете открыл.
Он кирпич и бетон в порошок раскрошил
И по космосу всё это вмиг распылил.

Ау-оу-аыл!

Он свиреп и могуч — поэтический шторм.
Он не терпит проформ, он не терпит реформ.
Он сметает преграды законов и норм —
И уносит всё это, как мусор, как сор.

Ау-оу-аор!

Посмотри-ка вокруг: всё разбилось к чертям,
Разлетелось по косточкам и по частям.
То, что не разбрелось по заглохшим путям,
То лежит по оврагам и по пропастям.

Ау-оу-аям!

Как же быть нам с тобой?.. Да никак нам не быть!
Мы не мы, нам случилось себя позабыть!
Быт наш в шторме пропал, как пузатая сыть...
Так давай же на равных со штормом блажить!

Ау-оу-аыть!

Всё, что было у нас — ерунда, ерунда!
Города и года — вы куда, вы куда?
Всё ушло наконец — в никуда, в никуда.
Поэтический шторм — навсегда, навсегда!

Ау-оу-айда!

ГОЛОВА БАКУНИНА В БЕРНЕ

Вчера мы были на кладбище, на могиле Бакунина.
Это уже в третий раз.

За его камнем в кустах всегда стоит бутылка водки
И металлические стаканчики.
Само кладбище вроде парка — довольно унылого.

Достали бутылку из кустов, присели, выпили.
Потом просунули под камень
Письмо Бакунину

И ушли.

Камень на его могиле весьма заурядный,
Подновлённый несколько лет назад,
С металлической табличкой,
Сделанной каким-то художником.
На табличке немецкая надпись:

«Кто не стремится к невозможному, не достигает возможного».

На обратном пути сели в уличном кафе.
Взяли одно эспрессо на двоих (два слишком дорого),
Пили маленькими глоточками.

И тут я увидел девушку —
Очень атлетическую и почти голую (стоит жара).
У нее были великолепные конечности.

Ну и вообще всё.
Ступни в римских сандалиях.

Она сидела за соседним столиком спиной ко мне.
У неё были тёмные вьющиеся волосы.
Я наблюдал за ней.

В сущности, она казалась характерной швейцарской девушкой.
Многие из них занимаются спортом и выглядят впечатляюще.
Но при этом почти все — status quo.
Да: не просто поддержка status quo, а сами status quo.
Можно и так сказать: comfort food.

Я подумал, что если бы я к ней сейчас сзади подошёл
И в шею поцеловал,
Она бы вызвала полицию.

Или она сама полиция?

И тут эта девушка повернулась ко мне,
Словно услышала мои размышления.

И я увидел её!

У неё была физиономия Бакунина!
Самая настоящая — взлохмаченная!
Бородатая!

Клянусь, клянусь!

СТАРАЯ ГИТАРА

Неужто повсюду одни лишь рисуночки?
Неужто одни крокодиловы сумочки?

Неужто одни барабаны в вестях?
Неужто одни тараканы в устах?

Неужто уже все ущелья загадили?
Неужто остались одни лишь писатели?

Неужто мозги затолкали в кишки?
Неужто всю дикость зашили в мешки?

Неужто одна терапия осталася?
Неужто до самого дна мы добралися?

Да нет, невозможно, всё это обман!
Кабан, угодивший в железный капкан!

Возьмите маркиза де Сада в цепях,
Чтоб он вам заклятье писал на грудях!

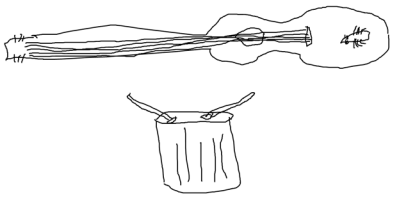
Возьмите себе хоть Бакунина голову!
Возьмите хотя бы Халтурина голого!

Возьмите на помощь Делёза в ночи!
Возьмите в подмогу святого в печи!

Возьмите китайского калику мудрого!
Возьмите балясника безрассудного!

Возьмите, возьмите героев своих
И сделайте струны гитары из них.

И этой гитарой, и этой кифарой
Ударьте, поддайте, разбейте фанфары!



ЗАГОВОР ПРОТИВ КАПИТАЛА

Он снаружи, он внутрях, он и посерёдке,
Он в тебе, во мне, в мудях, в потрохах и в глотке.
Он засел, проклятый швах, в каждом околотке!

Станьте, станьте, станьте в круг —
Коммунары, станьте!

Он бабачит и гундит, крутит буферами,
Кажет анус и пердит, и трясёт жирами.
Он мирами ерундит, двигает горами!

Станьте, станьте, станьте в круг —
Коммунары, станьте!

Оторвите ему шнобл, отломите пальцы,
Проломите ему лоб, оборвите яйца,
Отворите его гроб и расплавьте сальце!

Станьте, станьте, станьте в круг —
Коммунары, станьте!

Раздробите его зуб, размозжите хрящик,
Раскрошите этот струп, разнесите ящик,
Растащите его труп и сожгите в чаще!

Станьте, станьте, станьте в круг —
Коммунары, станьте!

Опрокиньте его дух, сокрушите силу,
Чтобы зренье, слух и нюх предали ловчилу.
Как распух он, так и стух — кол ему в могилу!

Станьте, станьте, станьте в круг —
Коммунары, станьте!

ВДВОЁМ

Человек во вшивом шарфе
Всё стучит киркой.
Человек во вшивом шарфе,
Я стучу с тобой.

Подо льдом ужасно твёрдым
Мёрзлая земля.
Подо льдом ужасно твёрдым
Только ты да я.

Мы стучим с тобой на пару:
Стук да стук киркой.
Мы стучим с тобой на пару
Под чужой землёй.

Здесь земля или здесь небо?
Или это лёд?
Здесь земля, но здесь и небо.
Времени излёт.

Стук да стук, но мы не ближе.
Где-то там, внутри.
Стук да стук, но мы не ближе.
Силы собери...

Человек во вшивом шарфе,
Видишь взмахи рук?
Человек во вшивом шарфе,
Слышишь слабый стук?

МУЗЕЙ РОБЕРТА ВАЛЬЗЕРА В БЕРНЕ

Тут есть музей Роберта Вальзера.
На самом-то деле это никакой не музей.
Просто две комнаты в старом изуродованном здании.
В одной комнате — полки с расстановкой разных изданий Вальзера.
В другой — временная выставка какого-то художника.
Он создал панораму местности, где находился последний приют Вальзера.
То есть лечебница для душевнобольных в Аппенцеле.

Словом, это мизерный музей.
Очередная халтура.

Но самым страшным в этом музее была его надзирательница.
Это правильное определение: надзирательница.
Старуха с жёлтыми волосами и чёрным крашеным ртом.
Она вперилась в нас, как только мы вошли.
Поняла, что мы недотыкомки.
И уже не отступала от нас.
Торчала за нашими спинами, куда бы мы ни делали шаг.
А шагать там было особо некуда.
Я чувствовал её дыхание у своих ушей.
И на темени.
И на всех музейных вещах.
Оно было убийственным — её дыхание.
Гнилостное.
Тошнотворное.
Удушающее.

Эта старуха была хранительницей халтурного мавзолея Вальзера.
Все его книги здесь были мёртвыми.
Из-за её дыхания.
Его шляпа на вешалке — мёртвая.
Из-за её дыхания.
Его зонтик (если это был его) — мёртвый:
трупик зонтика.
Из-за её дыхания.
От каждого вдоха-выдоха этой старухи исходила смерть.

А ведь я ещё недавно читал эссе Беньямина о Вальзере.
Б. пишет, что В. за всю жизнь не исправил
ни одной строки.
Ни одной строки во всех своих сочинениях!
Во всяком случае, так В. утверждал.
И это наверняка соответствовало тому, что он имел в виду.
Б. пишет, что никогда не исправлять написанного
— восхитительно.
Это признак полного отсутствия намерения.
И одновременно — его абсолютного присутствия.
Не исправлять ничего из написанного значит: дышать.
А эта старуха своим дыханием убивала всё вокруг.

Пиздец!
Пиздец!

СТАРЫЙ КРОТ

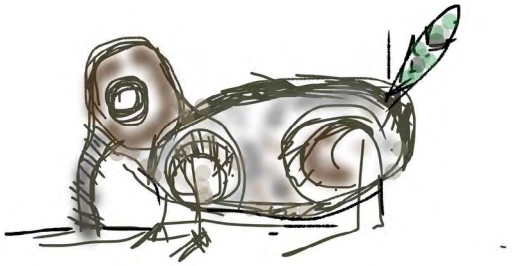
В мире остались одни лишь слоны —
Только слоны, но они
Вовсе не те и не эти слоны
И вообще не слоны.

В мире остались ещё муравьи —
Эти и те муравьи,
Только они не совсем муравьи,
А муравьиные вы.

Ну а с кротом: что случилось с кротом —
С верным и добрым кротом?
Крот — невидимка, но ночью и днём
Занят он тайным рытьём.

Роет он, роет в подпольной ночи
И, как могила, молчит.
Но вот дороет и — как ни кричи —
Вас он навек огорчит.

Что — испугались, фальшивки-слоны?
Бросило в пот, муравьи?
Не досмотреть вам медовые сны
В реках гнилой малафьи!



КРЕМЛЬ ЭТО Я

Не существует на свете восстания,
Которое не было бы восстанием против себя.
Нужно приложить особенные старания —
Вплоть до последнего издыхания —
Чтоб убить в себе «я» — это вечное блЯ.

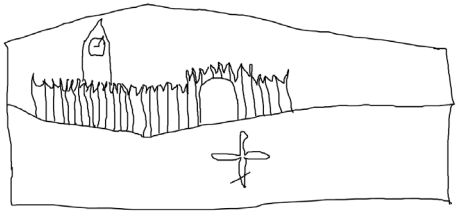
Мне продают шнапс, чтоб смягчить выживание,
Мне предлагают вид очередного Кремля,
Меня ведут в Диснейленд, как в венец мироздания,
Мне показывают кино, чтоб забыл прозябание,
Но я отвечаю вам: «Я вам не блЯ.

Мне неохота стоять в вашей очереди
За вашим билетом в ваш кинозал.
Вы меня шнапсом не заморочите,
Диснейлендом восстание против «я» не отсрочите!
В гробу я ваш Кремль вместе с блЯ видал».

Но вы не сдаётесь: вы страшно грохочете,
Как чёртов завод или чёртов хорал.
Вы то гогочете, то бормочете,
В ухо цикадой железной стрекочете:
«Ты наш, блядунок, чтоб ты там ни болтал».

И я понимаю вдруг: даже искусство
И даже любовь — продолжения блЯ.
И мне вдруг становится скучно и пусто,
Ведь всё оказалось так страшно и грустно.
И хочется спрыгнуть на площадь с Кремля.

О боже, какая повсюду кутузка!
Какая несчастная, злая Земля!
Мне надо к зулусам, мне надо к этрускам,
Мне надо в коммуну к моржам древнерусским,
Чтоб вытравить Кремль из унылого блЯ!



ПЕРФОРМАНС, ЦЕРЕМОНИАЛ И РИТУАЛ

(вирши для коммунистического кукольного театра)

1

Перформанс? Его я всегда презирал.
«Performance — non-action», — как Джек Смит сказал.
Мне ближе по духу был детский скандал.
Его я, как внук-футурист, обожал.

Давайте, давайте устроим скандал
И в яму сольём мировой капитал!

Перформанс бессилен и мертворождён.
Он изобретён для послушных персон.
В музейных пустынях он распространён.
Перформанс, по-моему, просто смешон.

Давайте, давайте устроим скандал
И в гроб запихнём мировой капитал!

2

Но есть ещё древний церемониал.
Юкио Мисима его разыграл,
Когда самурая он изображал
И саблей кишки из себя выпускал.

Давайте, давайте устроим скандал
И в жопу сошлём мировой капитал!

Церемониал — литургический сон,
В который любой гражданин погружён.
В нём дух государственный запечатлён.
Церемониал — ты застенок времён!

Давайте, давайте устроим скандал
И кокнем скорей мировой капитал!

3

Но, к счастью, есть в мире ещё ритуал.
Он мой — как и всех дикарей! — идеал.
В нём освободительный потенциал
Во мраке столетий мерцал и играл.

Давайте, давайте устроим скандал
И искореним мировой капитал!

Живёт в ритуале пещерный резон:
В нём слышен костра и звезды перезвон,
В нём звери и духи — и просто озон.
В нём коммунистический смысл воплощён!

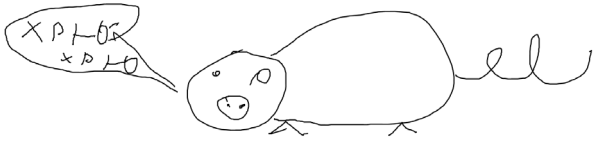
Давайте, давайте устроим скандал
И сбросим с горба мировой капитал!

ИМЕНА

Артавазду Пелешяну

Коммунист называет осу: ососой.
Коммунист называет козу: козозой.
Коммунист называет землю землёй
И умеет в Земле различить мезозой.
И не думает, что земля — это я,
И не думает, что кровать — для спанья.
И знает, что дети — гости незваные,
А вовсе не краденое приданое.

Когда тебя зовут по фамилии: Бренер!
Или по профессии, например: тренер,
То ты торопеешь, чудак-человек,
Лишаясь мечты и теряя разбег.
Но я вовсе не Бренер, я — Спартак.
Я одет не в штаны и не в свитер — я наг.
Я отнюдь не Сашка, а Артавазд —
Тот, что в жизнь осою впиваться горазд.



НЕКРОМАНТ

Я не держу чьё-то сердце в руках
И, уж конечно, я не мастер дуэтов.
Но, если говорить по душам,
Всё, что я могу делать в стихах —
Это вызывать духов мёртвых поэтов
(И то, разумеется, с грехом пополам).

А вообще, если честно сказать,
Я думаю, это как раз то, что нужно.
Потому что, как заметил философ,
Всё уже сказано и нечего тут лопотать
И надрываться натужно,
Словно ты — император поносов.

Просто скажи то, что прямо сейчас
Необходимо, чтоб рифмой встрять:
ВСЕЙ ПОЭЗИЕЙ ВЫЗЫВАТЬ ДУХОВ.
Чтобы мёртвые щебетали в урочный час,
А вы слушали, разинув пасть,
Всем своим расстрелянным слухом.

ВНУТРИ И СНАРУЖИ

Все вещи в тюрьме именуются: скорбь.
Сосед — это скорбь, и рассвет — это скорбь.
Морковь — это скорбь, и любовь — это скорбь.
Стена — это скорбь, и весна — это скорбь.
Поднос — это скорбь, и понос — это скорбь.
Рука — это скорбь, и нога — это скорбь.
Карман — это скорбь, и роман — это скорбь.
Матрас — это скорбь, и экстаз — это скорбь.

Как сказал заключённый Жан Жене:
— В тюрьме только скорбь ты видишь наяву и во сне.

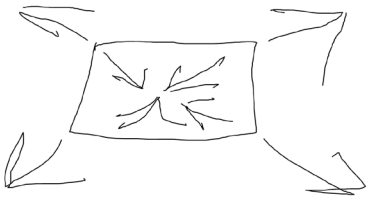
В капитализме все вещи именуются: кость.
Гвоздь — это кость, и гость — это кость.
Весть — это кость, и лесть — это кость.
Ум — это кость, и шум — это кость.
Флаг — это кость, и мрак — это кость.
Страсть — это кость, и власть — это кость.
Мир — это кость, и жир — это кость.
Прах — это кость, и крах — это кость.

Как сказал поэт-лауреат Роберт Фрост:
— Everything and everybody here is a ghost.

При коммунизме все вещи именуются: на!
Моя — на! И твоя — на!
Еда — на! И вода — на!
Огонь — на! И ладонь — на!

Стон — на! И сон — на!
Песнь — на! И тень — на!
Твердь — на! И смерть — на!
Да — на! И нет — на!

Как сказал, кажется, Борис Пильняк:
— При коммунизме никто не дурак и каждый — чудак.



КОММУНИСТ НА ЛУНЕ

Ты часто впадаешь в отчаянье, друг?
Я в детстве впадал — от бездарных наук
И взрослых уродливых рук.

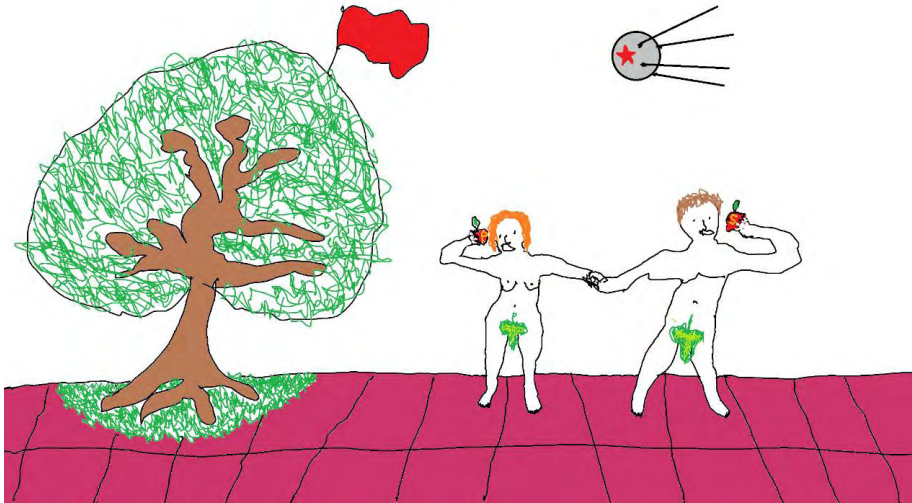
А нынче достаточно снег увидать
И встретить во сне пригвождённую мать,
Чтоб падать и падать опять.

Отчаянье прёт в нас, когда мы одни —
Один на один с легионом страны
В саду гефсиманском Луны.

Я слышу снаружи зверей голоса,
Я слышу, как тихо шумят древеса,
Я слышу людей словеса.

Я слышу и вижу: я здесь — они там,
И мне не ступать по их нежным следам,
По их лучезарным местам.

Я заперт внутри толоконной горы
И вместо весёлой и смертной игры
Коплю одичанья дары.



НЕКОТОРЫЕ ПРАВИЛА КОММУНИСТА

Никогда не высмеивай зверей.
Никогда не пей кровь из морей.
Никогда не встречай во сне царей.
Никогда не ломай копья о бунтарей.

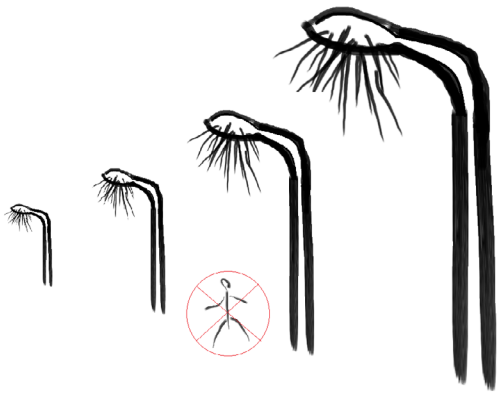
Никогда не говори улитке «скорей».
Никогда не чини поломанных дверей.
Никогда не ходи с толпой в эмпирей.
Никогда не считай своих рождений и смертей.

Никогда не стой в свете чужих фонарей.
Никогда не грейся в огне алтарей.
Никогда ничего не строй посреди пустырей.
Никогда не стряхивай пчёл и пепел с кудрей.

Никогда не имей меньше семи матерей.
Никогда не говори «эй» в присутствии дочерей.
С вожаками всегда говори на языке дикарей.
С богами говори на языке снегирей.

Доверь ежам составление словарей.
Доверь ласточкам сборку календарей.
Никогда не суши больше трёх сухарей.
Никогда не лей слёзы из ноздрей.

Не заводи в голове главарей.
Не води за собой звонарей.



МЕЖДУ РИФОВ

Пусть любитель спелых стишков
В рифме празднует похоть.
Не пролезть ему сквозь ушко —
Будет ахать и охать.

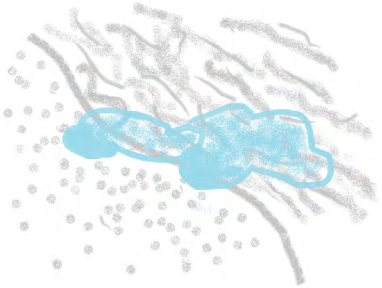
Рифма это не инструмент,
А лазейка отсюда,
Чтобы имярек продуцент
Стал никем ниоткуда.

Только тот туда проскользнёт —
В Небоземное море —
Кто свою ладью разобьёт
На весёлое горе.

Всяк, кто просто идёт на ритм —
Топором рубит стену.
А кто бьётся о рифы рифм —
Превращается в пену.

Не осталось чтобы земли
Под стопой голопятой,
И исчезли чтоб корабли
Там — в дали тридевятой.

А теперь хоть тысячу лет
Можно биться о рифы,
Всё равно тебя уже нет —
Только ритмы и рифмы.



КАК БЫЛО НА СВЕТЕ БЕЗ ДЕНЕГ

Зон-Ретель открыл, что абстрактная мысль
Есть следствие появления денег.
Из этого вывод: весь наш здравый смысл
Суть вылепленный из говна вареник.

Как думаешь, мой дорогой человек:
Ты этот вареник или ты чебурек?

Так называемая мировая история —
Летопись сеч и наживы с плеча —
Негодяйства и жадности траектория,
Территория палаческого ча-ча-ча.

Всё, что случилось и всё, что знакомо —
Сплошные Записки из Мёртвого Дома.

Но важный вопрос: что же было до этого?
До денег и до абстрактных идей?
Из опыта я вам отвечу поэтова:
Был факультет очень нужных вещей.

Или ещё можно так объяснить:
Был вертоград, в коем я хочу жить.

Вот, например, был ковёр-самолёт,
На котором летали в загробный мир.
Это тебе не МИ-2 вертолёт,
Не самолётишка марки «МиГ».

Смекнули, о чём я тут бормочу?
О мире чудес, а не мире лачуг!

Был камень небесный, который всё мог.
Не злато-убийца, а камень-хвала.
Не мрамор-надгробье, а яхонт подмог.
Не бремя-булыжник, а кремень-пчела.

А нынче? А нынче мы в мире кайла.
Звенит в поднебесье электропила.

И был ещё кто-то в чащобе густой.
Он в небо уставил глазищи свои
И вёл разговор с одинокой звездой:
— Скажи, куда скрылись все сёстры твои?

А нынче? А нынче мы в скопище масс!
И все они из китайских пластмасс!

ПЕРЕД СНОМ

Давно уже, други, мне жаждется спать,
Но только не чтобы опять на кровать.

Я звёздной пучиной укроюсь до пят —
Так все коммунисты бесштанные спят.

Ни бой эшафотный, ни бог-пустозвон —
Ничто не нарушит ребяческий сон.

Конвойное время, земли круговерть...
Вся жизнь это просто холуйская смерть.

Чернеет дорога, белеют снега.
Я вам не подмога, себе не слуга.

К моим коммунистам хочу поскорей...
Покеда, планета — рай концлагерей!

РЕКА РЕЧЬ

Воды глубокие плавно текут,
Люди премудрые тихо живут.
Пушкин

Я увидел коммуниста.
Плыл он — кит без поводка.
И в очах его лучисто
Отражалась речь-река.

В той реке купались дети
Без отца и без судьбы.
Им смешны были столетья
Нашей классовой борьбы.

И ещё явилась рыба —
Вроде бы Левиафан —
И сказав киту: — Спасибо! —
Померла, как истукан.

— Не-а! Несть Левиафана! —
Закричали сорванцы
И без всякого стакана
Пили реку без грязцы.

А она катила волны
Не туда и не сюда.
И казалась чудотворной
Детская белиберда.

Но киту какое дело?
Он всё дышит и молчит.
Чтоб река не оскудела,
Волны он не бередит.

Тут вдали вдруг взвился лихо
Столб соляно-водяной...
Океанская китиха
Позвала кита домой.

ПОДРАЖАНИЕ ВАЛЬЕХО

Вон стоит бедолага в обоссанных штанах.
Может, подойти к нему и спросить: «Ты Сократ?»

А вон татуировки на двух подпитых болтунах.
Может, присесть к ним и сказать: «Я ваш
чероки-брат»?

Вон идёт старик, бормоча что-то под нос.
Может, впасть в священный транс перед ним?

А вон чёрный гарсон держит на пальцах поднос.
Может, обнять его и изречь: «Мы мраком дышим
одним»?

Вон две подружки обнялись и курят свой косячок.
Может, шепнуть им: «Хочу в ваш матриархат»?

Вон мужичок несёт на спине рюкзачок.
Может, он Ной и возьмёт меня на Арарат?

Вон идёт одноногий, вцепившись в жёлтый костыль.
Может, крикнуть ему: «А где капитан Флинт?»

Вон ребёнок с дуделкой сел прямо в дорожную
пыль.
Может, расплыться в улыбке: «Сыграй,
Амадей-вундеркинд!»

Вон на скамейке карлик — снял с ноги сапожок...
Может, я с ним в Эдем совершу тигриный прыжок?

ЗДЕСЬ

Подымите мне веки: не вижу!
Гоголь

Здесь только то, чего совсем не надо:
Два ресторана за спиной, асфальт,
Всё более убийственное солнце,
Решётка недоступного мне сада,
Детей изломанно-жеманный гвалт
И два одетых в цуцика японца.

Здесь только то, чего никто не хочет:
Кощеево сооруженье — банк,
Строительства дымящаяся груда
(Отбойный молоток в виске грохочет)
И пифия грудастая, как танк —
Зануда в зряшном ожиданьи блуда.

Здесь только то, что яйца надрывает:
Сорочинская ярмарка сучар,
Сквернавцев сволочная распродажа.
Испуганное мясо загнивает
В грудной клети, и после рифмо-чар —
Звенящий привкус лексико-дренажа.

А то, чего так надо?.. Ветром сдуло,
С собаками не сыщешь, тю-тю, нет,
Ищи-свищи, ау, Митюхой звали,
Корова языком своим слизнула...
И только — от предвечных глин привет —
Спасительные веки свет застлали.

НАКОНЕЦ-ТО КОММУНИЗМ

Я шёл по улице и слышу вдруг: — Ссыкло!
Я повернулся: ветхая старушка
Взирала на меня, как сквозь стекло.

Горбатенькая — но не побирушка
И явно не космическое зло...
Я припустился дальше — потаскушка.

Иду себе и вот опять: — Ссыкло!
Гляжу: стоит смазливейший мальчишка
И смотрит безмятежно и светло.

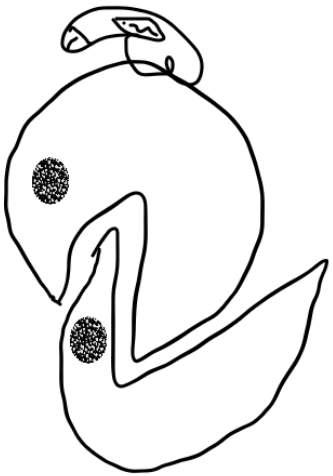
Он был отнюдь не шельма, не воришка.
Ничто его ещё не допекло.
Я ухмыльнулся, укротив нервишки,

Ускорил шаг... но в ухо вновь: — Ссыкло!
На мусорном холме сидит ворона,
Задравши шелудивое крыло,

И пялится весьма бесцеремонно —
Как будто я не я, а барахло.
И я в ответ гляжу — заворожённо.

А в этот миг — треск из кустов: — Ссыкло!
Я как ослепнул: ни души не видно...
В берёзе только чёрное дупло...

И вдруг до ада стало очевидно,
Что на меня прозренье снизошло...
Так коммунизм работает — обидно!



ИНСУРГЕНТ

Не раздеваясь сотню тысяч лет,
Я износил клеймённую одежду
И выбросил свой сгнивший пистолет,
Чтоб не хвататься за блядву-надежду.

Я по ночам стал призраков будить
Взорвавшейся в моей башке взрывчаткой,
А утром по морям дерьма бродить,
Чтоб испытать бесчувственные пятки.

Я уводить тиранов был горазд
Туда, где жизнь небесно-бестелесна.
Но вскоре полюбил крутой контраст:
Скалой на их пути стоять отвесно.

И не помог ни разу я носить
Трон земляной — ни душке, ни злодею.
Как и не мог я с бесами тусить
Во имя ослепительной идеи.

Так наконец-то дожил я до дня,
Когда в крови бродячая заноза
Вонзилась в сердце, душу зеленя,
И мозг мой превращая в туберозу.

Но и сейчас не знаю, как мне встать —
С кощунственной ноги или с блаженной.
И не могу, не смею здесь лежать,
Обнявшись с мёртвым коконом Вселенной.

ОХАХО

— Мысль, а не ум, — так мне сказал Делёз.
И никакого, суки, авангарда.
Тут прорва умников — и в пекло, и в мороз.
А мысль скупа, как хохот леопарда.

Я был дурак — с утра и дотемна —
И не искал ума в своих карманах.
А мысль, как мышь, была умерщвлена
В земле, чей ум — в убоях и обманах.

Учителя, художники, врачи,
Чиновники, пииты, саддукеи —
Им хоть кричи, хоть голодом лечи —
В дверях у мысли пыжатся лакеи.

А что за дверью? Клёкот в темноте,
Зубовный скрип и марлевые взвизги...
Кто там лежит на ломаном хребте,
Плюясь баландой и швыряя миски?

Нервнобольная, язвенница — речь.
Сердечница, сифилитичка — слово.
Стряхни врачей с своих покатых плеч —
И дикой мыслью расхохочься снова.

ПАЛЕСТИНЕЦ В ЕВРОПЕ

But let it be. Horatio, I am dead.
Shakespeare

После убитых RAF-красноармейцев
У палестинца друзей-европейцев
Прямо шаром покати.
Прежде нас гнали не хуже индейцев,
Ну а сейчас, как у всех безземельцев,
В амбу ведут все пути.

Франция съела твои апельсины,
Ну и маслины, конечно, маслины,
В плоть зубочисткой вонзясь.
Тают в араке белесые льдины,
Напоминая своей холодиной
Газы кровавую грязь.

В Риме пергаментные мостовые
Травмы сулят черепно-мозговые
От полицейских дубин...
Спазмы и корчи общемировые —
Вести военные и биржевые —
Вечный Иерусалим.

Вроде бы в Бельгии и Нидерландах
Пишут «СВОБОДУ ИМ!» на транспарантах.
Лучше пишите: «ПИЗДЕЦ!»
Вместо свободы — её пропаганда
В аранжировке похабной schmaltz-банда.
Хумусом смазан елдец.

Хумус едят в Лиссабоне и Вене.
Хумус едят в Каркасоне и Йене:
Хумус есть гумус Европ.
При мировом кулинарном обмене
Хумус валютой заделался ценной:
Долларом евро-утроб.

Я поблуждал по кружным подворотням.
Я покружил по чужим преисподним.
Страшно мне, страшно мне здесь!
Стадо Европы не ходит в исподнем,
Но называть его может свободным
Только балбес или бес.

Где же вы, где вы, холмы Палестины?..
Мреют они в сионистском хамсине,
В колониальном раю!
Там, где певали азан муэдзины,
Нынче снуют деловые раввины,
Щурясь вослед солдатью...

Был друг Жене — но его уже нету.
Смерть показала пиздищу поэту,
А палестинцу — жопень.
Ой ты, Европа, — край этого света!..
Ан в палестины не купишь билета!..
Finito, абориген.

ПОСЛЕДНЕЕ

Папы и мамы, деды и бабы!
Все ваши дети — люля-кебабы!
А ваши внуки? Дохлые мухи —
Все безъязыки, безглазы, безухи!

Помните, что там было в начале?
Много веселья, мало печали!

Мамы и папы, тёти и дяди!
Все ваши чада — мелкие бляди!
А ваши внучки? Сущие сучки —
Все загребущие хищные ручки!

Знаете, что там было в серёдке?
Кости и череп мёртвой селёдки!

Жучки и сучки, кошки и мышки!
Срочно отсюда дуйте вприпрыжку!
А ваши люди? Грязные муди —
Все они в блуде погрязли до жути!

Видите, что там зримо в грядущем?
Рай неимущим, ад всемогущим!

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Если остался на Земле хоть один известный писатель, который не срёт в унитаз, а живёт, как скорпион или дикобраз, то пусть меня сейчас же зашьют в обоссанный матрас. Писатели — народец с набором тухлых, но ползучих и прыгучих фраз: шасть, шасть, шасть... Раньше некоторые из них жили как волосатые неандертальцы без капитальца, а нынешние бреют себе яйца. Они крепко сидят на обеих своих ягодицах — не верхом на говне в полицейской темнице, как вор Жан Жене, а в многолюдии телевизионной студии, предаваясь парламентскому словоблудию. Поэтому у них такие вздутия! Писатели сосут хуй не у сокамерника-семяеда, оставшегося без говенного обеда, а у рекламодателя, газетного истолкователя, чугунного предпринимателя или фараона-издателя. А ведь когда-то писатели тяготели к безлюдью и рукоблудью, предпочитая не капиталистических мерзавцев, а лесных козлоногих братцев-красавцев. Но тех лесов давно уже нет, а писателям власть сломала хребет. Тот, кто хочет получать взятки от капиталистической блядки, не может говорить правду-матку. Писатели — самая грязная каста на свете, как говаривал Мандельштам на том свете. Они превратились в ревностных сук для культурных услуг, то есть стали в тысячу раз мешковатее, пресноватее, рыхловатее, дрянноватее, дрябловатее и душноватее, чем любые школьные преподаватели, государственные избиратели или заскорузлые обыватели-чинопочитатели. Поэтому вся надежда не на продажных профессиональных писателей, а на маргинальных и коммунальных, эмбриональных и вакханальных слово-спасателей. Ибо слово поистине нуждается в спасении, в воскресении, в вознесении, равно как и в смехотворном падении. Если говорить коротко и торопко, слово вечно находится в рискованном становлении. Точно так же, как и сам человек: то он древний грек, то абрек, то туарег, то печенег, то какой-то там имярек, а то и просто мушиный дрек. Процесс и эксцесс становления этого двуногого существа отнюдь не завершён: человек ещё не окончательно совращён, сокрушён и опустошён. Человек — это до сих пор некий странный и потаенный космический анти-проект, то есть в нём, в этом несчастном животном, гнездится божественный поэт с потенциалом небесно-земноводным. Ещё вчера жили на свете святой Альфред Жарри, Велимир-бездомец и другие блаженные бунтари. Да и сейчас, возможно, где-нибудь в сибирской глуши ворошат дикие, неподатливые, девственные слова новые будетлянские малыши, которые построят для грядущего человека чудные заговорщицкие шалаши. Я и сам, неумеха, строю такой шалаш-ералаш, чтобы спрятаться там от всех культурных и политических лаж и испытать древнюю звёздно-напевную блажь. Мне вирши нужны не для того, чтоб устроиться потеплей у клокочущих батарей и болтать на литературных вечерах пошустрей, а чтоб неумело, но живо и смело якшаться-шептаться с духами мёртвых поэтов, безумцев и дикарей. Я хочу у них поучиться тому, как мне, дураку, стать хоть на мышиный хвостик мудрей и сбежать от

всех нынешних упырей. Это ведь и есть немыслимая задача поэта: найти лазейку прочь с этого света. А куда? Туда, где играет в чаще дуда, где зверь гуляет без хомута и чисты человечьи уста. То есть я хочу в коммунизм! Да-да: в древний крутой коммунизм — без барственных, государственных и лекарственных клизм! Этого просит весь мой организм! Путь туда ох как непрост, но будем держать трубой хвост. Айда, друг-подруга, айда, подальше из смрадного общественного гнезда — раз навсегда! Сбросим паучьи путы, дорогие мои шалопуты, — мы ведь не писатели при власти, не послушные лилипуты без страсти. Мы не нытики-критики, мы не лит-паралитики! Мы — голоштанные и спонтанные — помним, что подлинная критика суть поэтическая метеоритика. Это очень опасная штука: свободы непредсказуемая наука! Понимаешь, подруга-друг? Оглянись же вокруг: чудище обло, озорно, стозевно, лаяй — и имеет триллион щупалец-рук! Так беги же скорей, удирай! Беги и бунтуй, крамола, беги и бунтуй, возмущенье, бунтуй и беги! И мысль о Коммуне в груди сбереги!

Александр Бренер,
город Невшатель,
август 2022

Книга «НАКОНЕЦ-ТО КОММУНИЗМ» была бы невозможна без чудесных советов и общей дружеской поддержки филолога Александра Маркова. Огромное Вам СПАСИБО, дорогой Александр!

А. Б.

Выход этой книги является плодом дерзких инициатив и интенсивных творческих усилий коллектива «Асебия». Большущее Вам СПАСИБО, дорогие асебийки и асебийцы!

А. Б.

асебия

Перелётный издательский кабак «Асебия» благодарит репинский центр изучения бутифрола, Эльдара Хачумбова, Стаса Гаражного, Вову Левака, Алену Походную, Пашу Цветомузыку, Настю Фертильную, Злую Мальвину, а также Таню Галерейную и Мишу Багетного, без которых в этом мире было бы гораздо меньше веселья и красоты.

Редактор:
Елена Шубина
Корректор-куратор:
Сергей Латынцев
Иллюстратор:
Мэриан Лиамович Шайтан-Мышь

Гарнитура «Вычурная Южнороссийская».
Печать высочайшая.
Тираж 400 экз.

Сдано в набор 24.2.2022
Подписано к печати 10.9.2022

Отпечатано в Купянской типографии
93601, Харьковская область,
г. Купянск, ул. Товарная, 2/4.